DOI: 10.26907/2074-0239-2019-58-4-171-175
УДК 821.161.1

Л. Н. ТОЛСТОЙ В ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ И ПРИВАТНЫХ ТЕКСТАХ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

© Мария Кучумова

LEO TOLSTOY IN MARINA TSVETAEVA'S PRIVATE TEXTS AND IN TEXTS INTENDED FOR PUBLICATION

Maria Kuchumova

This work explores the image of Leo Tolstoy and the characters from his works on the pages of notebooks, letters, and prose published during the lifetime of Marina Tsvetaeva. In our opinion, this topic is interesting as there exists no holistic portrait of Leo Tolstoy in Marina Tsvetaeva's work. Moreover, at first glance, it is not easy to find the points of intersection in the aesthetic views of the two creators. Indeed, Marina Tsvetaeva often opposes herself to Leo Tolstoy and his characters. At the same time, she opposes Tolstoy-writer to Tolstoy-man – and it is Tolstoy-man who is close to her. Marina Tsvetaeva finds in Leo Tolstoy's character such Tsvetaeva's "family" qualities as asceticism and obsession with their lives' work. For Tsvetaeva, one of the most important issues in connection with the personality of Leo Tolstoy was the artists' moral responsibility with respect to art, life, people and themselves. It should be noted that in her letters and notebooks, Marina Tsvetaeva is more straightforward in assessing the personality of the writer than in her prose intended for publication.

Keywords: Leo Tolstoy, Marina Tsvetaeva, notebooks, letters, prose of the poet.

Настоящая работа исследует образ Л. Н. Толстого и героев его произведений на страницах записных книжек, писем, а также опубликованной при жизни прозы М. И. Цветаевой. На наш взгляд, эта тема интересна в силу отсутствия целостного портрета Л. Н. Толстого в творчестве М. И. Цветаевой. Кроме того, на первый взгляд, непросто найти точки пересечения в эстетических взглядах двух творцов. И действительно, М. И. Цветаева нередко противопоставляет себя Л. Н. Толстому и его героям. В то же время она противопоставляет Толстого-писателя Толстому-человеку – и именно Толстой-человек оказывается ей близок. М. И. Цветаева находит в характере Л. Н. Толстого такие «фамильные» цветаевские качества, как аскетизм и одержимость делом жизни. Один из наиболее волнующих Цветаеву вопрос в связи с личностью Л. Н. Толстого – о долге художника перед искусством, жизнью, народом и собой. Стоит отметить, что в письмах и записных книжках М. И. Цветаева более прямолинейна в оценках личности писателя, чем в предназначенной для публикации прозе.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, М. И. Цветаева, записные книжки, письма, проза поэта.

Отношение к Л. Н. Толстому у М. Цветаевой неоднозначно. С одной стороны, поэт не посвящает ему ни одного произведения, как это происходит с Р. М. Рильке, А. С. Пушкиным, М. Волошиным и проч. С другой – имя писателя регулярно встречается в записных книжках, письмах и эссе поэта. Л. Н. Толстой вписан в мир М. Цветаевой как неотъемлемая его часть, но в то же время он словно не получает должного признания с ее стороны.

Так, поэт сравнивает Гюго и Гете с Толстым не в пользу последнего: Гюго для М. Цветаевой «огромнее и роднее Льва Толстого» [Цветаева, 2001, с. 201], а Гете она любит «неизмеримо

больше Толстого» [Цветаева, 1995, т. 7, с. 387]. В письме Н. Гронскому М. Цветаева называет Л. Н. Толстого «обратным Пушкину»: «Толстой искал, Пушкин – находил. Толстой обратное ПОЭТУ. Поэт может искать только рифмы, никак не смысла жизни, который – в нем дан. Искать формы ответа. Я, конечно, предпочитаю поэтов, и – они не меньше страдают» [Цветаева, Гронский, с. 111]. Для М. Цветаевой Пушкин – воплощение чистого дара. Напомним, что тему творчества у М. Цветаевой сопровождает мотив избранничества творца. Не-творец вынужден преодолевать отсутствие таланта. Так, Цветаева пишет, что воля заставляет Брюсова плыть «про-

тив течения собственной неодадаренности» [Цветаева, 1994, т. 4, с. 54]. Одна из причин неприятия Толстого как художника – в «тяжести» его творчества, по замечанию Цветаевой, он «против собственной шерсти шел и вел» [Там же, т. 5, с. 353].

Поэт обращает внимание и на ежедневный труд Толстого в письме к А. Тесковой:

Я Вас люблю, зачем Вы живете такой жизнью, есть обязательства и к собственной душе, – вспомните Толстого – который, конечно, подвижник, мученик дома (долга) – но который за этот подвиг ответит. Вы правы кругом – и Толстой был прав кругом – и вдруг мысль: грех – что! Грехи Бог простит, а подвиги?? Служил ли Толстой Богу, служа дому? Если Бог – труд, непосильное: да. Если Бог – радость, простая радость дыхания: нет. Толстой, везя на себе Софию Андреевну плюс всё включенное, не дышал, а хрипел [Цветаева, 1991, с. 61].

В эссе «Пленный дух» Цветаева приводит достаточно резкие высказывания о писателе своей дочери и Андрея Белого:

В Zoo, перед клеткой огромного льва, львам – льва, Аля:

– Мама, смотрите! Совершенный Лев Толстой! Такие же брови, такой же широкий нос и такие же серые маленькие злые глаза – точно *все* врут.

– Не скажите! – учтиво и агрессивно сорокалетний – восьмилетней. – Лев Толстой, это единственный человек, который сам себя посадил под стеклянный колпак и проделал над собой вивисекцию [Цветаева, 1994, т. 4, с. 257] (здесь и далее курсив и выделения наши. – М. К.).

Очевидно, что выбор Толстого, его отказ от радостей жизни не дает покоя М. Цветаевой. В то же время она нередко защищает Л. Н. Толстого. Такова ее реакция на воспоминания сына писателя Л. Л. Толстого «Правда о моем отце». 27 января 1925 она пишет:

<...> прочла на днях книжонку Л. Л. Толстого «Правда об отце» и т. д. Помните эпизод с котлетками? Выходит, что Лев Толстой отпал от православия из-за бараньих котлеток. <...> Хорош сынок! [Цветаева, 1995, т. 7, с. 8].

Следует учитывать, что реакция эта изложена в письме В. Ф. Булгакову, который был секретарем писателя. Не исключено, что М. Цветаева встает на сторону Л. Н. Толстого из уважения к своему корреспонденту. Важно также обратить внимание на время, в которое написано это письмо: Цветаева в эмиграции, где она уже предвидит осложнение отношений с дочерью. В этом же году поэт пишет А. Колбасиной-Черновой:

«Аля ничего не успевает: уборка, лавка, угли, ведра, еда, учение, хворост, сон. Но это не для одиннадцати лет, ибо к двадцати озлобится люто» [Там же, т. 6, с. 717]. Возможно, М. Цветаева переосмысливает взаимоотношения родителей и детей и в защите писателя угадывается простое человеческое желание защитить родителя от неблагодарного ребенка. Есть и еще один важный момент. М. Цветаева нередко намеренно выбирает стратегию защиты несправедливо обиженного. Так, в «Моем Пушкине» читаем: «Все дело было в том, что я от природы любила волка, а не ягненка» [Цветаева, 1994, т. 5, с. 68]. Итак, причины оправдания М. И. Цветаевой Л. Н. Толстого могут быть различными, однако несомненно одно – для М. Цветаевой очевидно величие писателя, недостижимое для его сына.

Неслучайно поэт признается в письме Ю. Иваску: «Толстого и Достоевского люблю как больших людей, но ни с одним бы не хотела жить, и ни в курган, ни на остров их книг не возьму – не взяла же» [Цветаева, 1995, т. 7, с. 388]. В письме Б. Пастернаку М. Цветаева поясняет причины чуждости творчества Толстого и Достоевского себе: «Ты никогда не станешь великим писателем (поэтом) земли русской, как Толстой, Достоевский, пр. Ты – отдельный» [Цветаева, Пастернак, с. 318], – Цветаева далека от «народного», ей ближе одиночки; свою удаленность от течений, направлений, влияний она мифологизирует. Так, в письме Р. Н. Ломоносовой поэт пишет: «<...> не принадлежу ни к какому классу, ни к какой партии, ни к какой литературной группе НИКОГДА» [Цветаева, 1995, т. 7, с. 336].

Человек-Толстой оказывается для М. И. Цветаевой интереснее Толстого-творца. В уже упомянутом письме Иваску поэт пишет: «Толстого не люблю, т. е. люблю его жизнь и смерть» [Там же, с. 387]. Здесь М. Цветаева словно отделяет личность творца от его творчества. Но в то же время утверждение «люблю жизнь и смерть» намного более значимо для поэта, чем может показаться на первый взгляд. М. Цветаеву привлекает все, что может стать мифом. Смерть же вообще для нее часто становится началом такового. Именно смерть современников нередко побуждает М. Цветаеву написать о них, как это было с Р. М. Рильке, В. Брюсовым, М. Волошиным, А. Белым, Н. Гронским и др. Мы согласны с Ю. В. Доманским в том, что «текст жизни <...> обретает окончательную форму только после смерти художника» [Доманский, с. 7]. Величие человека для поэта определяется величием его

жизни, поэтому Толстой и назван большим человеком.

Продолжим рассмотренную выше цитату и увидим, что в действительности М. И. Цветаеву многое связывает с Толстым:

Конечно, Толстого не люблю, т. е. люблю его жизнь и смерть, его одинокую муку, его волчиное сердце, но почти – сочувственно ... – и еще сундук с Наташей Ростовой, и «поцелуйте куклу», и танец, и окно, но это уже – Mignon, а не Толстой [Цветаева, 1995, т. 7, с. 387].

Итак, Толстой уподобляется волку. Тому самому волку, о котором мы уже вспоминали выше: «Все дело было в том, что я от природы любила волка, а не ягненка» [Цветаева, 1994, т. 5, с. 68]. Выше мы уже обращали внимание на то, что отношение к Толстому, как и к Брюсову, у М. Цветаевой было противоречивым. Так, в эссе «Герой труда» автор призывает читателя жалеть Брюсова «как волка»: «Жалостью-досадой и жалостью-растравой, то есть двумя составными чувствами, не дающими простого одного» [Там же, т. 4, с. 59]. Следующий важный образ в приведенной выше цитате – «сундук с Наташей Ростовой». Он возникает в «Повести о Сонечке», где сама Сонечка уподобляется Наташе:

Ряд видений: Наташа Ростова на цветочной кадке: «Поцелуйте куклу!» ... Наташа Ростова, охватив колена, как индус, как пес, поющая на луну, пением уносимая с подоконника... [Там же, с. 310].

Сонечка занимает в автобиографическом мифе М. Цветаевой одно из важных мест, она изображена как альтер-эго поэта; уподобление Сонечки Наташе говорит о значимости образа последней в мире М. И. Цветаевой. Кроме того, среди любимых занятий упомянутой Сонечки, по словам самой героини, – «читать „Войну и мир“»: «я Мир – люблю, Марина, а Войну – нет, всегда – нечаянно – целые страницы пропускаю. Потому что это мужское, Марина, не наше...» [Там же, с. 330]. «Войну и мир» высоко ценит и сама М. Цветаева, о чем пишет в «Искусстве при свете совести»: «„Войны и Мира“ из нашего отношения не вытравишь. Невытравимо. Непоправимо» [Там же, т. 5, с. 353].

И наконец, окно, которое в прозе М. Цветаевой символизирует свободу: «Сажусь на окно. <...> За ним – воля. За спиной – воля, перед глазами – любовь» [Там же, т. 4, с. 313]. Именно у окна М. Цветаева помещает такие значимые предметы своего мира, как материнский рояль и Сонечкино кресло.

Цветаева обнажает не только родство между своими героями и героями Толстого, но и между писателем и членами своей семьи. Говоря об аскетизме своего отца И. В. Цветаева, который готов был отказать себе во всем ради музея Александра Третьего, основателем которого он был, Цветаева отмечает в скобках: «Отрешенность Льва Толстого от всех благ земных была не „фантазией“, а потребностью, ибо писателю куда сложнее управлять имуществом, чем раздавать его» [Там же, с. 175]. А в следующей скобочной конструкции Цветаева уже проводит параллель со своей жизнью: «Все эти скупости недаром мне ведомы – я их унаследовала от отца, среди многого иного!» [Там же]. Таким образом, презрение к материальному – это то, что роднит «творцов»: Цветаеву, ее отца, Толстого.

Цветаева «примеряет» на себя произведения Толстого. В письме от 22 ноября 1934 года В. Н. Буниной она пишет, почему в 1924 году осталась с Сергеем Эфроном вместо того, чтобы уйти к К. Родзевичу, с которым у нее был роман:

Я 14 лет, читая Анну Каренину, заведомо знала, что никогда не брошу „Сережу“. Любить Вронского и остаться с „Сережей“. Ибо не-любить – нельзя, и я это тоже знала, особенно о себе. Но семья в моей жизни была такая заведомость, что просто и на весы никогда не ложилась [Цветаева, 1995, т. 7, с. 279].

К размышлениям о героине Толстого М. Цветаева возвращается неоднократно. Так, в «Доме у Старого Пимена» читаем:

А можно ли, я только ставлю вопрос, а неизбежно ли, а так ли уж непреложно – любить ребенка от нелюбимого, может быть – невыносимого? Анна Каренина смогла, но то был сын, сын – в нее, сын – ее, само-сын, сын ее души [Цветаева, 1994, т. 5, с. 114].

А в «Моем Пушкине» Цветаева сравнивает отношение к долгу и любви у Татьяны Лариной и Анны Карениной, подчеркивая, что выбор Татьяны ей ближе:

Да, да, девушки, признавайтесь – первые, и потом слушайте отповеди, и потом выходите замуж за почетных раненых, и потом слушайте признания и не снисходите до них – и вы будете в тысячу раз счастливее нашей другой героини, той, у которой от исполнения всех желаний ничего другого не осталось, как лечь на рельсы [Там же, с. 72].

Здесь Цветаева снова обращается к размышлению о чувствах матери к ребенку от нелюбимого человека, но на этот раз уже в контексте автобиографии:

Когда мой дед, А. Д. Мейн, поставил ее между любимым и собой, она выбрала отца, а не любимого, и замуж потом вышла лучше, чем по-татьянински, ибо «для бедной все были жребии равны» – а моя мать выбрала самый тяжелый жребий – вдвое старшего вдовца с двумя детьми, влюбленного в покойницу, – на детей и на чужую беду вышла замуж, любя и продолжая любить – того, с которым потом никогда не искала встречи и которому, впервые и нечаянно встретившись с ним на лекции мужа, на вопрос о жизни, счастье и т. д. ответила: «Моей дочери год, она очень крупная и умная, я совершенно счастлива...» (Боже, как в эту минуту она должна была меня, умную и крупную, ненавидеть за то, что я – не его дочь)! [Там же, с. 72].

Как видим, М. И. Цветаева неоднократно обращается к «мысли семейной» Л. Н. Толстого. «Конец Наташи Ростовой» поэт называет «гнусным чудом»: «Наташа Ростова до брака и Наташа Ростова после брака — два существа столь же враждующих, как первая Наташа и княжна Марья» [Цветаева, 2000, с. 152]. 26 мая 1934 года в письме А. Тесковой Цветаева объединяет Толстого и Гете, которых за две недели до этого противопоставляла друг другу в письме Ю. Иваску, во взглядах на семью: «Брак и любовь личность скорее разрушают, это испытание. Так думали и Гете и Толстой¹. А ранний брак (как у меня) вообще катастрофа, удар на всю жизнь» [Цветаева, 1991, с. 96]. Удивительно, что Цветаева ссылается на мнение Толстого, чуждость которого себе она многократно подчеркивала, как на авторитетное. И если в предназначенных для публикации текстах ранний брак Цветаевой и Эфрона романтизируется (как в «Открытии музея» или «Доме у Старого Пимена», написанных всего за год до приведенного письма), то в частной переписке поэт признает правоту писателя.

Анализ рассмотренных текстов позволяет сделать вывод, что в предназначенных для публикации произведениях М. И. Цветаева более осторожна в выражении своего мнения о Л. Н. Толстом, здесь критика личности писателя, как правило, вкладывается в чужие уста. Как любимое произведение упоминается роман-эпопея «Война и мир», к нему встречается множество отсылок как к прецедентному тексту, «Анна Каренина», как правило, приводится в контексте «житейских историй». Основанием для родства с писателем становится его аскетизм, готовность отказывать себе во всем ради искусства. В не предназначенных для публикации текстах М. Цветаева выражает свое мнение более откры-

то, здесь Цветаева более резка в оценке творчества, но глубже раскрывает понимание жизни писателя. В целом же один из наиболее волнующих Цветаеву вопрос в связи с личностью Л. Н. Толстого – о долге художника перед искусством, жизнью, народом и собой.

Список литературы

- Айзенштейн Е. О. Образы и мифы Марины Цветаевой. [б. м.]: Издательские решения, 2018. 288 с.
- Доманский Ю. В. «Тексты смерти» русского рока. Тверь, 2000. 109 с.
- Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. Т. 1: 1913–1919. М.: Эллис Лак, 2000. 557 с.
- Там же. Т. 2: 1919–1939. М.: Эллис Лак, 2001. 542 с.
- Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой. СПб.: Внешторгиздат, 1991. 189 с.
- Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 1994. 688 с.
- Там же. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994. 720 с.
- Там же. Т. 6. М.: Эллис Лак, 1995. 800 с.
- Там же. Т. 7. М.: Эллис Лак, 1995. 848 с.
- Цветаева М. И., Гронский Н. П. Несколько ударов сердца: Письма 1928–1933 годов. М.: Вагриус, 2004. 320 с.
- Цветаева М. И., Пастернак Б. Л. Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов. М.: Вагриус, 2004. 720 с.

References

- Aizenshtein, E. O. (2018). *Obrazy i mify Mariny Tsvetaevoy* [Images and Myths of Marina Tsvetaeva]. 288 p. Izdatel'skie resheniia. (In Russian)
- Domanskii, Yu. V. (2000). *"Teksty smerti" russkogo roka* ["Texts of Death" of Russian Rock]. 109 p. Tver. (In Russian)
- Tsvetaeva, M. I. (2000). *Neizdannoe. Zapisnye knizhki: V 2 t. T. 1: 1913–1919* [Unpublished Notebooks: In 2 Vols. Vol. 1: 1913–1919]. 557 p. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)
- Ibid.* (2001). T. 2: 1919–1939 [Unpublished Notebooks: In 2 vols. Vol. 2: 1919–1939]. 542 p. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)
- Tsvetaeva, M. I. (1991). *Pis'ma k Anne Teskovoi* [Letters to Anna Teskova]. 189 p. St. Petersburg, Vneshtorgizdat. (In Russian)
- Tsvetaeva, M. I. (1994). *Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 4* [Collected Works: In 7 Vol. Vol. 4]. 688 p. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)
- Ibid.* (1994). T. 5 [Collected Works: In 7 vol. Vol. 5]. 720 p. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)
- Ibid.* (1995). T. 6 [Collected Works: In 7 vol. Vol. 6]. 800 p. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)
- Ibid.* (1995). T. 7 [Collected Works: In 7 vol. Vol. 7]. 848 p. Moscow, Ellis Lak. (In Russian)
- Tsvetaeva, M. I., Gronskii, N. P. (2004). *Neskol'ko udarov serdtsa: Pis'ma 1928–1933* [A Few Beats of the

¹ Е. О. Айзенштейн предполагает, что М. Цветаева приходит к такому выводу, вспоминая «Крейцерову сонату» [Айзенштейн, с. 268].

Heart: Letters of 1928–1933]. 320 p. Moscow, Vagrius.
(In Russian)

Tsvetaeva, M. I., Pasternak, B. L. (2004). *Dushi
nachinaut videt': Pis'ma 1922–1936 godov* [Souls Begin

to See: Letters of 1922–1936]. 720 p. Moscow, Vagrius.
(In Russian)

The article was submitted on 07.11.2019

Поступила в редакцию 07.11.2019

Кучумова Мария Олеговна,
соискатель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
marleontieva@gmail.com

Kuchumova Maria Olegovna,
Ph.D. applicant,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
marleontieva@gmail.com